

152

Сообщение члена общества князя Н. А. Кострова: „О некоторых остатках в Сибири испытаний или судовъ Божіихъ. Испытанія трупомъ или кровью“.

Общество, мало развитое въ умственномъ отношеніи, вмѣсто того, чтобы самому изслѣдовать невинность одного изъ своихъ членовъ, обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, какъ, на примѣръ, въ убійствѣ, чаще всего предоставляет это дѣло божеству, какъ непогрѣшиму судѣ. Этимъ объясняется происхожденіе употреблявшихся въ разное время и у различныхъ народовъ, такъ называемыхъ судебныхъ испытанийъ посредствомъ огня, воды, поединковъ и т. п.; этимъ-же объясняется отчасти происхожденіе испытанія посредствомъ трупа или крови, испытанія, еще не такъ давно практиковавшагося въ обычномъ правѣ русскаго населенія Сибири. Объ этомъ-то испытаніи, имѣющемъ основаніе въ глубокой—древности, я и хочу сказать нѣсколько словъ.

Нѣкоторые народы древности, какъ на примѣръ, евреи, приписывали крови человѣка и животныхъ особенное значеніе и особенныя качества: они полагали, что кровь составляетъ душу всякаго живущаго существа. „Душа всякія плоти кровь его есть“, говоритъ книга Левитъ. (XVII, II). Поэтому-то у евреевъ строго было запрещено употреблять въ пищу кровь животныхъ. Это запрещеніе, въ послѣдствіи времени, перешло и въ постановленія христіанской церкви, такъ какъ 63 правиломъ Апостольскимъ было недозволено ѣсть мясо животнаго, когда не выпущена изъ него кровь. Кровь человѣка, невинно пролитая, по мнѣнію евреевъ, жила и послѣ его смерти. „Голосъ крови твоего брата взываетъ ко мнѣ изъ земли“, говорится въ писаніи по поводу убійства Авеля Каиномъ. Слѣды невинно пролитой крови можно было

уничтожить только отмщеніемъ за нее, а жизнь свою она проявляла кипѣніемъ. Въ талмудѣ передается поразительная легенда о крови Захаріи первосвященника, убитаго, между храмомъ и жертвенникомъ (Матѣ. XXIII, 29—35). „Небузараданъ, пришедши въ Іерусалимъ, увидѣлъ тамъ кровь, которая кипѣла и не переставала кипѣть. Что это значитъ?—спросилъ онъ жителей Іерусалима. Тѣ, стыдясь своего преступленія, отвѣчали полководцу, что это кипитъ кровь жертвъ, закалаемыхъ во храмѣ. Небузараданъ приказалъ сдѣлать при себѣ опытъ, но кровь заколотыхъ при немъ животныхъ остается совершенно спокойною. Когда, послѣ этого Небузараданъ съ угрозами сталъ спрашивать о причинѣ кипѣнія крови, ему сказали, что это кровь одного священника и пророка, убитаго за то, что онъ предсказывалъ разрушеніе Іерусалима. Тогда князь сказалъ: „я умиротворю эту кровь“; и приказалъ привести къ себѣ Іерусалимскихъ раввиновъ и избилъ ихъ въ кедрской долинѣ, но кровь Захаріи продолжала кипѣть и волноваться. Небузараданъ приказалъ привести изъ школъ всѣхъ учениковъ раввиновъ, назначавшихся быть учителями народа, и ихъ избилъ на томъ же мѣстѣ, такъ что число всѣхъ убитыхъ было девяносто четыре раза десять тысячъ, и кровь, пролитая въ долинѣ, дошла до крови Захаріи (т. е. до памятника Захаріи, стоявшаго въ кедрской долинѣ) во исполненіе словъ Осіи IV, 2: „и кровь до крови достигнетъ“; но кровь Захаріи продолжала кипѣть и волноваться. Тогда Небузараданъ подошелъ и сказалъ: „о Захарій, Захарій! я убилъ ради тебя лучшихъ между ними; хочешь-ли, чтобы я убилъ всѣхъ?“

„Въ отвѣтъ на это, кровь Захаріи успокоилась, а удивленный Небузараданъ принялъ іудейство“: (Олесницкій: Святая земля, Кіевъ, 1875 г. 357). По словамъ путешественниковъ, на востокѣ, и до сихъ поръ вѣрятъ, что невинно пролитая кровь выжигаетъ мѣсто, гдѣ она проливается, и дымится до тѣхъ поръ пока не будетъ совершенно отмщеніе. (Тамъ-же, 358).

Нѣчто подобное этому вѣрованію мы находимъ въ быту древнихъ Германцевъ. Они также приписывали особенныя качества невинно пролитой крови человѣка и полагали, что если убійца подойдетъ къ трупу умерщвленнаго имъ человѣка и прикоснется къ его ранамъ, то изъ нихъ хлынетъ кровь. „Какъ только убійца подходитъ къ убитому; такъ у него опять кровь идетъ изъ ранъ“,—говорится въ XVII приключеніи „Пѣсни о Ниселунгахъ“, и вся сцена описана тамъ потрясающимъ

образомъ. На основаніи этого весьма древняго вѣрованія, теряющагося въ вѣкахъ язычества, у Германцевъ образовался судебный обычай—испытанія посредствомъ трупа или крови, существовавшій до XII вѣка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ быть и долѣе. Это испытаніе производилось слѣдующимъ образомъ: трупъ убитаго приносили въ судъ на носилкахъ, предполагаемый убійца долженъ былъ протянуть руку къ этому холодному трупу и тронуть его раны, покрытыя запекшеюся кровью; въ тоже время онъ долженъ былъ произвести извѣстныя клятвенныя слова, свидѣтельствовавшія объ его невинности. Если, при прикосновеніи руки бездушное тѣло содрагалось и изъ ранъ шла кровь, то въ этихъ чувственныхъ явленіяхъ видѣли виновность обвиняемаго и въ глазахъ судей преступленіе его считалось доказаннымъ точно также, какъ если бы онъ совершилъ его въ самомъ судѣ. (Du Bois: Histoire du droit criminel, Paris 1858 II 589). „Я нашель, говорить Шерръ, въ Швейцарской хроникѣ люцернца Діебольда Шиллинга чрезвычайно замѣчательный примѣръ испытанія на трупѣ, относящійся къ позднѣйшему времени. Крестьянинъ Гансъ Шписсъ изъ Эттисвиля задушилъ свою жену. Возникло подозрѣніе. Мертвую вырыли, а ея подозрѣваемаго мужа подвергли испытанію трупа; совершенно голый и весь выстриженный, онъ долженъ былъ положить на правую грудь убитой два пальца своей правой руки, и поклясться въ такомъ положеніи въ своей невинности; но изъ мертваго тѣла сильно хлынула кровь, и убійца признался въ своемъ преступленіи“. (Истор. Цивилиз. Германіи, С.-Петербургъ, 1868 г., 206—207).

Въ русскомъ народѣ по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, также существуютъ вѣрованія о томъ: 1) что кровь человѣка имѣетъ особенныя, ей только принадлежащія, свойства; 2) что эта кровь пролитая напрасно, безъ всякаго повода, не пропадаетъ даромъ (даже слѣды ея весьма трудно уничтожить),—а преслѣдуетъ или самаго виновнаго, не давая ему покоя, пока онъ не понесетъ заслуженной кары, или ближайшихъ членовъ его семейства и даже потомковъ; и 3) что когда съ убитымъ начнетъ прощаться убійца, то изъ трупа покойника пойдетъ кровь. Въ первомъ отношеніи извѣстно, что знахари считаютъ человѣческую кровь полезною для составленія присушекъ, для возбужденія любви, и нѣкоторыхъ лекарствъ. Въ 1812 г. крестьянка Каинскаго округа Дарья Каргаполова была поймана за приготовленіемъ какого-то снадобія въ скорлупѣ куринаго яйца и созналась, что это

составъ изъ мѣсячныхъ ея кровоочищеній, который она приготовляла для своихъ домашнихъ съ цѣлью возбудить въ нихъ къ себѣ любовь. (Моя статья „Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи“; въ 1 № записокъ западн. сибир. отдѣла И. Г. О.). На кладбищѣ села Бабинскаго Вятскаго уѣзда былъ вырытъ и разрѣзанъ трупъ младенца, для того, чтобы достать запекшейся крови, употребляемой какъ лекарство. (Якушкинъ: Обычное право, Ярославль, 1875 г., XXXV). Въ разныхъ заходустьяхъ Сибири мнѣ приходилось слышать, что запекаясь кровь человѣка, вмѣстѣ съ другими составами, излѣчиваетъ такія язвы, которыя не поддаются никакимъ другимъ лекарствамъ.

Какъ доказательство существованія вѣрованія, что невинно пролитая кровь человѣка не пропадаетъ даромъ, а преслѣдуетъ или самаго виновника или ближайшихъ членовъ его семейства, привожу слѣдующіе факты:

Мнѣ не разъ доводилось слышать въ разныхъ мѣстехъ Сибири рассказъ о томъ, что у одного богатаго купца было два сына, изъ которыхъ одинъ, въ запальчивости или съ пьяну, только безъ всякаго уважительнаго повода, ударилъ какъ-то своего прикащика и убилъ его, совершенно печально; однакожъ, истина была скрыта и фактъ смерти прикащика былъ приписанъ тому случаю, что онъ самъ, пьяный, упалъ, ударился вискомъ объ уголъ печи и ушибся до смерти. Тѣмъ дѣло и кончилось. Однакожъ, съ того времени несчастья стали преслѣдовать купца и его неотдѣленныхъ сыновей: то случится у нихъ пожаръ, то потонетъ судно,—словомъ, каждый годъ непременно является какойнибудь имущественный убытокъ. Всѣ эти несчастья разскащики единодушно объяснили тѣмъ, что „кровь дѣлаетъ свое дѣло“.

Лѣтъ 20 тому назадъ, въ деревни Хабыкъ, Минусинскаго округа, жена отставнаго солдата, крещеная татарка, убила мужа, изрубивъ его на нѣсколько частей и побросала ихъ въ находившійся недалеко прудъ. Это случилось лѣтомъ, въ вечеру, съ субботы на воскресенье, только что стемнѣло. По утру она пошла къ сельскому старшинѣ и объявила, что на канунѣ мужъ ея уѣхалъ за дровами, но утромъ лошадь съ телегой пришла одна; опасаясь какогонибудь несчастья съ мужемъ, она просила старшину сдѣлать распоряженіе къ розысканію его. Старшина сей часъ-же собралъ общество и отправился къ дому солдата. Осмотрѣли лошадь и телегу. Лошадь оказалась нисколько не потною, такъ что нельзя было предположить, чтобы на ней ктонибудь

вздиль во время ночи. Во дворѣ нашлось около полусажени только что нарубленныхъ дровъ; опять доказательство, что солдатъ возвратился домой, должно быть, еще съ вечера и привезъ дрова, за которыми ѣхалъ. Вошли въ избу. Хотя полъ въ ней былъ выскобленъ и вымытъ, какъ это почти вездѣ дѣлается въ Сибири на канунѣ праздниковъ, однакожь на немъ видны были во многихъ мѣстахъ кровавыя пятна. „А это что такое?“ спросилъ старшина; „отчего тутъ кровь?“ При видѣ кровавыхъ пятенъ, женщина поблѣднѣла какъ полотно, и сейчасъ-же созналась, что это „ея грѣхъ“, что убила мужа она. При дальнѣйшихъ вопросахъ, она показала, что убійство ею совершено еще съ вечера, какъ только мужъ возвратился съ дровами, поужиналъ и легъ спать; что за тѣмъ она цѣлую ночь скоблила и мыла полъ, на которомъ была лужа крови, и, кажется, мыла его хорошо; но какимъ образомъ, послѣ того на немъ снова появилась кровь, она не можетъ дать себѣ отчета. Случайно мнѣ довелось быть въ это время въ д. Хабыкъ и я находился при этомъ распросѣ преступницы. „Вотъ тебѣ и кровь человѣческая“, — слышалось въ толпѣ общественниковъ; „никогда, братецъ ты мой, не пропадетъ она даромъ“.

Лѣтомъ 1860 года козакъ Олимпіевъ, изъ станицы Восточной, Минусинскаго округа, придя въ совершенное бѣшенство, вслѣдствіе сдѣланнаго ему станичнымъ начальникомъ какого-то пустаго замѣчанія, хватилъ его ножомъ такъ, что тотъ даже не охнулъ, а потомъ, отбиваясь отъ хотѣвшихъ схватить его казаковъ, убилъ еще трехъ человѣкъ и скрылся въ лѣсу, прилегающемъ къ г. Минусинску. Здѣсь Олимпіевъ пробылъ около двухъ сутокъ и направился къ городу, чтобы отдать себя въ руки властей. Находясь въ острогѣ, онъ говорилъ мнѣ, что не сдался бы ни за что, а пошелъ бы бродяжить, но убитые имъ люди ночью не давали ему ни минуты покоя, выгоняя его изъ лѣсу по направленію къ городу. „Стало быть это кровь ихъ выживала меня“, прибавилъ онъ.

Въ 1847 г. одинъ бродяга, содержавшійся въ Канскомъ острогѣ за убійство, рассказывалъ окружному стряпчему слѣдующее: былъ онъ въ какомъ-то кабакѣ, напился пьянъ и набуянилъ; его взяли и какъ не особенно важнаго арестанта, отправили въ волость, но безъ кандаловъ, съ однимъ парнишкой-ямщикомъ. Дѣло было зимою. Ночью начался буранъ. Ямщикъ запутался въ лѣсу и сталъ отыскивать дорогу, а между тѣмъ арестантъ, притворившійся предъ этимъ крѣпко

спящимъ, всталъ изъ саней, выломилъ порядочную дручину и сталъ поджидать его возвращенія. Съ пьяну, ему вздумалось убить ямщика, тогда какъ онъ могъ и безъ того уйти отъ него и скрыться въ лѣсу. „Видно, нечистый попуталъ“, объяснялъ раскащикъ. Когда ямщикъ вернулся, арестантъ нанесъ ему такой ударъ, что тотъ упалъ безъ чувствъ; потомъ онъ снялъ съ него опояску и удавилъ его, а самъ отошелъ съ версту, разгребъ снѣгъ и рѣшился немного отдохнуть. Но только что онъ закрылъ глаза, какъ видитъ, ямщикъ стоитъ живой передъ нимъ и зоветъ его ѣхать въ волость. Такъ онъ не давалъ ему покоя цѣлую ночь. По утру бродяга рѣшился провѣдать удавленнаго и добить его, если онъ живъ. Но только что онъ подошелъ къ тѣлу какъ появилось нѣсколько человекъ крестьянъ, ѣхавшихъ за сѣномъ или задровами, и схватили убійцу. Раскащикъ былъ убѣжденъ, что его преслѣдовала кровь убитаго.

Обращаюсь наканецъ, къ тому обстоятельству, что, по народному вѣрованію, когда съ убитымъ начнетъ прощаться убійца, то изъ трупа покойника пойдетъ кровь.

Извѣстный нашъ этнографъ С. В. Максимовъ рассказываетъ слѣдующій случай:

Однажды какая-то дама спросила содержавшагося въ Тобольскомъ острогѣ извѣстнаго убійцу Коренева:

Не случилось-ли тебѣ видѣть: правда-ли это, что изъ раны убитаго начнетъ сочиться кровь, когда къ трупу подходитъ самъ убійца?

— „Нѣтъ, отвѣчалъ Кореневъ, и отрубилъ: однажды я нарочно для этого убилъ жида въ Кайнскѣ и чрезъ полчаса былъ тутъ подѣвъ. Жиды собрались все. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлый городъ. Я съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ, — совѣты давалъ какъ ловить убійцу; на убитаго смотрѣлъ, какъ на свою ладонь кровь не показалась. Можетъ быть отъ того, заключилъ Кореневъ, что убить былъ не крещеный“ (Отеч. Записки, т. CLXXII, отъ 1, 14.).

Тѣмъ неменѣе, въ народѣ существуетъ убѣжденіе, совершенно противоположное результату того опыта, который Кореневъ сдѣлалъ надъ жидомъ, и нѣкоторые случаи поддерживаютъ въ немъ это убѣжденіе.

Въ 1847 г. въ одномъ изъ сибирскихъ губернскихъ городовъ приходятъ въ полицію двѣ женщины и объявляютъ, что въ домѣ мѣщанина Русакова должно быть неблагополучно. Самаго Русакова не было въ это время въ городѣ, а оставались только его жена,

своиченица и трое дѣтей: двѣ дѣвочки 8 и 10 лѣтъ и грудной ребенокъ. Полиція пришла, выломала двери и нашла, что дѣвочки лежатъ на кровати зарѣзаны, а ребенокъ въ люлькѣ задушенъ. Женщинъ нѣтъ. Идутъ въ огородъ и тамъ въ одной бороздѣ, между грядами, находятъ жену Русакова съ пробитой головой; въ другой бороздѣ тѣло его своиченицы. Начались распросы, изслѣдованіе, но слѣдовъ преступленія не найдено ни какихъ. Когда убитыхъ отвезли въ больницу для судебного изслѣдованія, явилась тудаже знакомая Русаковыхъ, поселянка. Должно быть она сильно любила покойницъ, потому что страшно убивалась, плакала, ревѣла, рвала на себѣ волосы. Эта женщина взяла на себя обмыть трупы. Наконецъ свидѣтельство кончилось и убитыхъ похоронили. Поселянка провожала тѣло до самой могилы. Полиція, вѣровавшая въ непогрѣшимость приведеннаго выше народнаго убѣжденія, наблюдала за всѣми, кто прощался съ покойницами. Когда подошла прощаться поселянка, то частному приставу показалось, что у убитыхъ потекла кровь и что поселянка вышла изъ церкви сильно смущенная. У пристава была прачка, знакомая съ этой поселянкой. На вопросъ его, не замѣчаетъ ли она перемѣны съ поселянкой, прачка отвѣчала, что она начала сильно пить. Это еще болѣе утвердило пристава въ его предположеніи,—и онъ поручилъ прачкѣ пригласить къ себѣ поселянку, подпойть ее и завести разговоръ объ убійствѣ. Все такъ и сдѣлалось, и поселянка, въ пьяномъ видѣ, призналась пріятельницѣ, что это ея дѣло. Талько что она сказала это, изъ-за ширмъ высочили скрытые полицейскіе, и квартальный со всего маху-бацъ ее въ лицо. „Ты убьла Русаковыхъ? Говори“.—Виновата, я,—отвѣчала она. (Шелгуновъ: сочиненія, 1, 333).

Въ сороковыхъ годахъ въ Канскомъ округѣ, Енисейской губерніи, былъ засѣдатель Гарязинъ, который составилъ себѣ извѣстность тѣмъ, что рѣдкое уголовное преступленіе, случившееся въ его участкѣ, не было имъ раскрыто. Въ случаѣ убійства, когда оподозрѣваемый въ этомъ преступленіи не сознавался, онъ, обыкновенно, угрожалъ ему тѣмъ, что при дальнѣйшемъ заpiresательствѣ, подвергнетъ его испытанію трупомъ или кровью, т. е. заставитъ его прощаться съ убитымъ, и тогда Богъ покажетъ знаменіе, невиненъ-ли обвиняемый или нѣтъ. Слывало очень нерѣдко, что обвиняемый, не желая подвергнуться этому испытанію, прямо сознавался въ своей виновности.

Въ 1846 г. мнѣ довелось быть въ с. Рыбномъ Канскаго округа

и я былъ тамъ свидѣтелемъ слѣдующаго произшествія. Въ лѣсу нашли убитымъ одного крестьянина. Подозрѣніе пало на его жену и работника, который находился съ нею въ любовной связи. Но оподозрѣнные, при первомъ полицейскомъ розыскѣ волостнаго головы, вмѣстѣ съ обществомъ, во взводимомъ на нихъ преступленіи не сознавались. Тогда голова вздумалъ прибѣгнуть къ испытанію трупомъ или кровью и объявилъ объ этомъ женѣ и работнику убитаго. Тѣ до того перепугались этого испытанія, что сей часъ-же сознались въ преступленіи.

Интересно бы знать, несовершается-ли такое испытаніе еще и теперь въ какихъ нибудь отдаленныхъ захолустьяхъ Сибири?

